

ЗНАЧИТ, так: я помню, как пришел ванну, когда вдруг раздался звонок в дверь, и передо мной возникли «три богатыря» в белых халатах: «Одевайся». Моя реплика была тонкой: «Я еще не помылся». — «Там тебя помойут». Почти как в «Кавказской пленнице»: «Я не одет» — «В морге тебя оденут!» Вот так и со мной. Только продолжение было отнюдь не комедийным.

Судьба сделала Никите подарок, который, на первый взгляд, давал ему преимущество перед многими артистами его поколения. Его голос удивительно похож на голос «телесно ушедшего» Высоцкого. Обстоятельство это, однако, для певца, выходящего на сцену со своей собственной «проповедью», неожиданно обернулось нелегким испытанием на человеческую и гражданскую прочность. Люди ждут от него очень многого. И потому ему нельзя в своих песнях «недодать», уклониться от прямого разговора, обойти волнующую тему. Шаг — вправо, шаг — влево от правды будет восприниматься как «попытка к бегству», после которой обязательно последует град упреков во «вторичности», а то и что-нибудь похлеще. Воистину, кому дано многое, с того и спросится не единожды и по самому высокому счету.

— Творческий человек не может не сомневаться в себе. У тебя были такие «энергетические провалы»?

— 25 января 1983 года, в день рождения Высоцкого, я решил выйти с гитарой на Ваганьковское кладбище. Пошел для себя ва-банк, четко осознавая к тому времени, что не писать стихов и не петь я уже не могу. Это стало моим способом существования. И в то же время понимал, что второй Высоцкий мало кому нужен. Для себя решил, если выйду к могиле, и меня с моими песнями освищут, значит, я — не прав и занимаюсь не своим делом. Но после первой же песни люди начали хлопать, спрашивать: «Кто вы? Откуда?» Просили спеть еще. Кто-то, уже

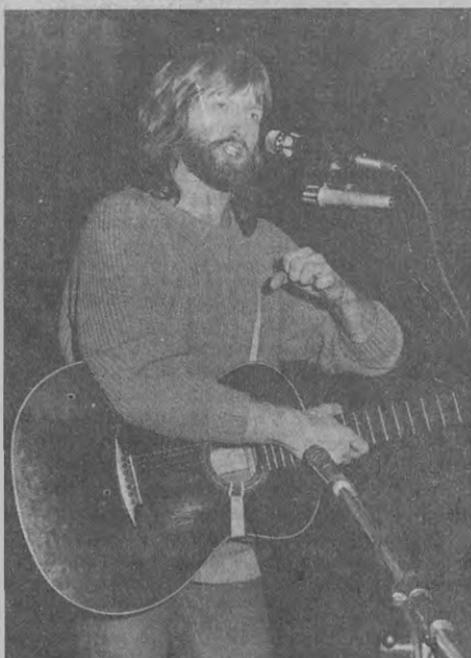

Фото Олега ВОСТРИКОВА.

«ЛЮБЛЮ Я ВОЛИ ПЬЯНЯЩИЙ ТОК»

«Время тревог, время тревог волком глядит и,
с пьяных глаз,

Давит всех нас, словно лимит.

Время, как нерв, время, как нерв, рвет нам умы,

мысль родив,

Что тот октябрь — от сатаны...»

Его привезли в психбольницу, причем он до конца был уверен, что вот-вот все выяснится и отпустят. Но произошло другое. Насильно раздели и, крепко держа, что-то вкололи. Проснулся «уже дурачком». Незаметно огляделся. В палате шел ремонт. Люди лежали на кроватях и под кроватями на матрацах. Свет горел под потолок круглосуточно. В «острой», куда попал, находились душевнобольные. Кто-то рядом пел песни, кто-то приставал к соседям с интимными предложениями. Короче, нормальному человеку, попавшему туда, недолго было свихнуться.

— Я проснулся от нестерпимой боли в костях. Из суставов словно что-то вытгивали. Язык во рту едва ворочался. Попросил помощи у санитаров, но они будто наслаждались моими мучениями, не спешили нести обезболивающее, не желали ничего объяснять.

Кроме явных больных, в палате оказались и вполне нормальные люди. Например, рядом лежал человек, назвавшийся курсантом суворовского училища. Его «упекли за то, что не поладил с начальством». Был он опухший и очень бледным (от уколов).

Я объявил, что не буду есть, если мне не скажут, на каком основании я нахожусь в этом заведении. Когда наступил час ужина, санитары стали впахивать в меня зонд, и я понял, что здесь голодовки не проходят. Истинно — у «гуманного» государства «гуманные» дурдома. Только через два дня меня повели к так называемому врачу. Заплетавшимся языком (к тому времени через уколы я получил большую дозу тормозящих реакцию лекарств) говорю: «Доктор, я — нормальный человек». А он спокойно отвечает: «Вот и докажете это. Вы понимаете, в какую ситуацию попали? Выполняйте все наши предписания, а месяца через 2—3 мы вас выпустим». А у меня перед глазами «встает» этот «трехмесячный» опухший суворовец и садистские замашки санитаров. Врач продолжает, открывая мое «дело»: «Вот вы утверждаете, что нормальны, а стихи пишете... странные: «Загляни в газету в ту, в эту. Нету ни одной порядочной рожи в ЦК...». Или вот эти: «Давайте Господа в Генсеки задвинем, братцы, и тогда, быть может, большевистский рэкет исчезнет раз и навсегда. В реанимации Свобода придет в себя и, может быть, нас от октябрьского урожая сумеет Он освободить». Кем вы себя возомнили?» И кончает перечень моих преступлений тем, как я выбил ногой дверь в военкомате...

Жизнь Никиты Джигурды, выпускника театрального училища им. Б. Щукина, автора и исполнителя остросюжетных песен, человека, который сегодня выступает с концертами на лучших площадках страны, богата подобными эпизодами. Его история, наверно, могла бы послужить неплохим киносценарием для захватывающего приключенческого фильма, в котором сценаристом выступило то полное абсурдов время, в котором мы живем, помноженное за зигзаги и ухабы «развитого социализма».

— Никита, ну а дверь в военкомате ты действительно выбивал?

— Когда пришел туда на медкомиссию, дежурный прапорщик облял меня, посылая... стричься и «сбривать хреновину на борде». Я вполне резонно ответил, что имею право на гражданке носить волосы и бороду той длины, которая мне нравится. Он стал «брать глоткой», и тогда я вышел из помещения вышеупомянутым способом.

Надо сказать, что он перестал питать страстную любовь к военкоматам в восьмом классе, с момента своего первого прихода в оное заведение, где его ни за что, ни про что «ласково» обматерили. На вопрос, заданный в военкомате: «Хотите служить?», честно ответил: «Нет». После чего был послан на психобследование, где неделю бомбардировали всевозможными тестами с целью выяснения, действительно ли он является психом или только «прикидывается». Мысль о возможности внутреннего неприятия службы в армии отлетела в военкомовские изначальности. Через неделю выпустили, пообещав: «Не волнуйтесь, служить не будете». А еще через два дня за ним приехали те самые «три богатыря», о которых речь шла в начале...

Рубанком цензуры по душам поэтов — Это, по нашим законам, стандарт. Артподготовка, а после — по клетам Всех, кто мечтает, чтоб вырвался март.

слышавший мои песни, попросил: «Спойте посвящение Высоцкому».

Он выпивал, он пил, он пил запойно. Пил яд несовершенства нашей жизни. Но он живет. Хранит от «Правды» гнойной.

Он — гениальный сын страны капризной.

Я пел и читал минут тридцать. А когда, закончив, подошел к воротам, в меня вцепились двое в штатском: «Вы осквернили могилу». А люди спокойно смотрят на все это. Да еще какая-то бабулька машет рукой и приговаривает: «Счастливо тебе, сынок!». Я думаю: «Елки-палки, только что благодарил, а теперь никто не вмешивается». Короче, развернулся и как гаркну: «Разве я осквернил могилу?» И тут, как рев самолета: «У-у-у...» Чекистов как ветром сдуло. После этого человек сто ввели меня до самого метро. В этот день я убедился в истинности выбранного пути.

Люблю я воли пьянящий ток,
Свободы люблю озон.
И пусть мне выключат грешный мой бок —

Я лжи раскачаю трон.

За свои неполные тридцать лет Н. Джигурда проучился в четырех институтах, один из которых — театральное училище им. Б. Щукина — закончил. Как бард и актер вырос на песнях Высоцкого, Окуджавы, Галича и на спектаклях Любимовского Театра на Таганке. Кстати, в 1983 году он пел Юрию Петровичу свои песни и читал монолог Хлопуши, и если бы режиссера не лишили гражданства, то осенью того же года зрители, возможно, увидели бы артиста на сцене в ролях Хлопуши, Маяковского и Семена Гудзенко. И, может быть, в дальнейшем не состоялось бы его печального знакомства с КГБ...

Нам отпущено свыше заполнять
верой души,
И полями страданий, и дорогой
в мечту.
Мы Россию услышим сквозь
кровавые стужи,
Мы пойдем, мы подставим наши
спины кресту.

— Никита, ты часто критикуешь коммунистов, обвиняя их во всех наших бедах. Что ты можешь сказать тем людям, которые верили и до сих пор свято верят в те идеалы, которые провозглашает программа КПСС?

— Я убежден, что сегодня состоять в коммунистической партии и не идти против совести невозможно. Не зная о том, что октябрьский переворот был замешан на крови также невозможно. Большевики, получив на выборах всего 25 процентов голосов, по сути дела, проигрвали их в честной борьбе, захватили власть насильно за две недели до учредительного собрания, которое могло бы явиться наидемократичнейшей формой управления страной, так как в нем были представлены все политические силы, партии, группировки, течения, существовавшие в стране. И подожди большевики две недели, если они действительно думали о благе России, — судьба страны сложилась бы по-другому. Не зря Короленко писал в письмах Ленину, Луначарскому о том, что нельзя путем физических расправ избавляться от людей, придерживающихся иных убеждений.

Ведь сама идея «классового подхода», провозглашенная КПСС, — это же полный маразм. Ну как один класс может управлять всем государством?! Только посредством террора.

Так вот, если человек, состоящий в КПСС, всего этого не знает, то моя задача как барда, артиста (а твоя как журналиста) попытаться ему все это объяснить настолько убедительно, насколько нам это позволяло наши возможности и талант. Если же он знает все это, читал, думал, но считает, что так и надо было строить государство, то тогда он — настоящий коммунист. Но уже не человек, так как животная диктатура рождает кровь. А кровь не может ничего родить, кроме ненависти и крови. Я убежден, что люди, солидарные с Господней мыслью «Не убий!» не могут дольше находиться в партии, неоднократно осквернившей себя убийством невинных...

Ведь если снова хлынет кровь —
И мы сгнем в своих же нечистотах.
Вот потому нам надо генеральской лжи
Не дать в нас гимн партийный вбить
из пулеметов.

Беседовала Елена АНАТОЛЬЕВА.